

СОФЬЯ САМОКИШ

ТАМ, ГДЕ ОСТАЛОСЬ ДЕТСТВО

ВОЛЬНЫЙ
СТРАННИК

Софья Самокиш

Там, где осталось детство

«Вольный странник»

2025

УДК 821.161.1-93Самокиш
ББК 84(2=411.2)6-44

Самокиш С. М.

Там, где осталось детство / С. М. Самокиш — «Вольный
странник», 2025

ISBN 978-5-00178-319-0

Настя не хочет становиться взрослой. Нет, она не собирается останавливать время, мечтает о своей семье и детях, но мечты эти расплывчаты и неопределенны. Лишь в одном ее твердость непоколебима: она сохранит искренность, любовь к миру, умение получать радость от жизни, а главное — чуткость души. Именно эти качества отличают ребенка от «взрослых», считает она. Летний лагерь, куда Настя отправляется на каникулы, подарит ей новые впечатления, первую любовь, поможет найти ответы на непростые вопросы. Настя повзрослеет, но сумеет сохранить те качества души, которые ей особенно дороги.

УДК 821.161.1-93Самокиш
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00178-319-0

© Самокиш С. М., 2025
© Вольный странник, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Софья Михайловна Самокиш

Там, где осталось детство

© Самокиш С. М., 2025

© Горнов А.Ю., иллюстрации, 2025

© Оформление ООО «Вольный Странник», 2025

* * *

чтобы лето не кончалось!¹

¹ Строчка из песни «Звездное лето», автор Илья Резник.

Глава 1

Первый день лета

1 июня 2012

Я просыпаюсь утром и чувствую – лето пришло! Балкон открыт, и к моему пробуждению городская комната уже наполнилась теплым воздухом, несущим в себе деревенские запахи клевера, разомлевшей полыни и припекающего солнца.

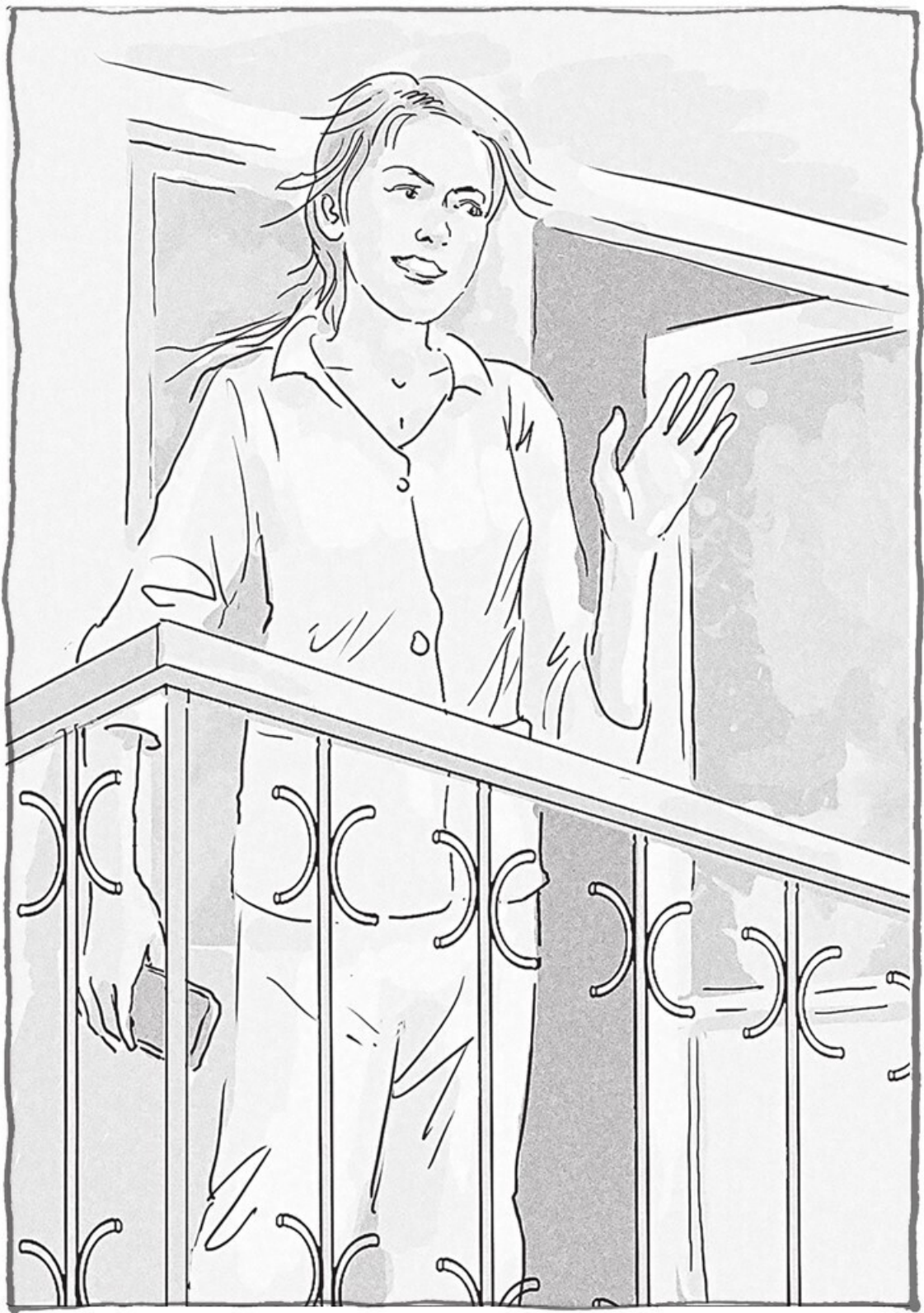
На часах – девять утра. Встаю с кровати и прямо в пижаме выхожу на балкон. Деревянный пол уже нагрет солнцем настолько, что стоять на нем горячо, как на галечном пляже в полдень. Я смотрю на небо, и в голову одна за другой приходят радостные мысли: «Сегодня первый день лета!.. Начались каникулы, и... я отличница!»

В этот момент оживает смартфон. На ярко освещенном экране я с трудом различаю имя: Федя.

– Пожар? – улыбаюсь я, нажав кнопку.

– А без пожара уж и позвонить нельзя! – успокаивает меня на том конце провода веселый девчачий голос.

Когда родители дают дочке имя «Феодора», наверное, перед глазами у них стоит образ величавой древнерусской красавицы из княжеского рода. Сокращение если и подразумевается, то только до нежного и женственного «Дора». Но моя подруга – тринадцатилетняя пацанка в мешковатых футболках и вытертых джинсах – меньше всего похожа на старославянскую княжну. Поэтому друзья зовут ее Федя, что ей самой очень нравится.

– А чего ж тогда звонишь в такую рань? Каникулы же начались! – удивляюсь я. – Я думала, ты проспишь до полудня!

– Насть, ты с ума сошла! – восклицает неправильно сокращенная княжна. – Сегодня Ариадна приезжает!

«Ариадна! Лето! Лагерь!» – три ярких слова как заклинание вспыхивают в голове, и остатки сна бесследно исчезают...

Тот, кто бывал в детстве в летнем лагере, хорошо понимает, что впечатление о нем целиком зависит от вожатых. Самая интересная программа, красивые домики и ухоженная территория не спасут от скуки, если вожатым дела нет до своих подопечных. А когда между ними и детьми возникает неподдельная дружба, то и недостатки – если и находятся – не имеют особого значения.

Мне в этом везет. Уже пять лет подряд. Вожатые нашей смены – лучшие. Общаться бы с ними круглый год, но не все они живут в городе, а потому сообщение Феди о приезде всеобщей любимицы лагеря, Ариадны Харламовны, и вправду стоит раннего звонка. Этой новостью можно поделиться даже в два часа ночи! И даже в два пятнадцать!

– Ммм, – мычу я, окончательно просыпаясь. – Так ты меня встречать ее зовешь?

– Догадалась! – доносится до меня скептическое фырканье собеседницы. Фыркать она умеет мастерски, причем с разными интонациями.

Именно Федина мама, Александра Викторовна, организовала тот лагерь, где мы познакомились и где я впервые услышала Федин «фырк». Тогда мне было десять, а ей всего семь, но, несмотря на разницу в возрасте, мы почти мгновенно подружились. Федя была «своя» – так называли детей, ездивших в лагерь с самого начала. Я впервые приехала туда только на четвертую смену и благодаря нашей дружбе тоже попала в «свои». Эти «свои» могут навещать в сон-час в вожатскую, называть Ариадну Харламовну просто Ариадной и имеют еще несколько мелких детских привилегий. Зато они особенно преданы лагерю и не мыслят без него ни одного лета!

– Во сколько и где? – уточняю я.

– Через полчаса на вокзале, – невозмутимо отвечает подруга.

– Что? А раньше ты позвонить не могла? Я же ничего не успею!

На мое возмущение Федя только смеется и весело кричит, перед тем как положить трубку:

– Собирайся, время пошло!

* * *

Первое июня – это не только начало лета, это еще и День защиты детей. В честь праздника в нашем городе все, кому не исполнилось четырнадцати, ездят на общественном транспорте бесплатно. Хоть целый день перескакивай с автобуса на трамвай – никто и слова не скажет! Я уверенно захожу в троллейбус, но, направляясь к свободному месту, начинаю ощущать легкий мандраж. Через две недели мне исполнится шестнадцать. Вдруг придется платить? В прошлом году меня еще принимали за бесплатницу и даже подтверждающих документов не спрашивали. А как теперь? Уже или еще?..

Надо сказать, что я была практически лишена подросткового максимализма, но всегда до глубины души возмущалась, если кто-то из взрослых при мне вздыхал об ушедшем детстве. Я вспыхивала и, захлебываясь эмоциями, уверяла, что никогда не буду такой, как они. Что за нелепость? Не хотели бы – не повзрослели бы! Все в наших собственных руках: из своего детства я не уйду никогда, и сожалеть мне будет не о чем.

Впервые эта мысль пришла ко мне с песней Эдиты Пьехи «Билетов в детство нет». Услышав ее, я даже написала гневное стихотворение, которое заканчивалось приблизительно такими словами: «Вот вы, взрослые, просите билет обратно в детство. Но кто оттуда выгонял? Ушли – вам, значит, там не место!»

Нет, я не обманывалась и не хотела останавливать время, принимая тот факт, что жизнь идет своим чередом. Мечтала о своей семье, минимум девяти детях (тут как раз немножко максимализма), но мечты были расплывчаты и неопределенны, и лишь в одном моя твердость была

непоколебима: я сохраню искренность, любовь к миру, умение получать радость от жизни, а главное – чуткость души. Именно эти качества отличают ребенка от «взрослых», именно их нужно сохранять. Убежденность потребовала еще стихов, и я написала их – не судите строго:

*Я теперь клянусь, чем только можно,
Что останусь навсегда такой —
Радостной, наивной, осторожной,
Любящей весь мир и шар земной.*

*И когда несчастья бьют наотмашь,
Я не оглянусь назад – туда,
Где когда-то было все возможно...
Просто я – хоть это будет сложно —
Не уйду оттуда никогда!*

По той же причине я, в отличие от подруг, не торопилась с влюбленностями. Почему-то это казалось мне несовместимым с детским состоянием души. Ведь душа сама знает, когда любить. А кокетство, флирт, макияж – все это в моем понимании были беспомощные *заменители* высокого чувства, заменители из мира взрослых. Конечно, я бежала от них как от огня. Откуда же я собиралась взять собственную семью и девять детей, спросите вы?.. Не вопрос. Я твердо знала, что в положенное время появится человек, который, взглянув в глаза, сразу увидит мою душу и узнает меня, а я узнаю его, потому что это и будет настоящая любовь. Пусть наивно, зато без всяких заигрываний, ужимок, а главное – без холодного расчета. Хорош ли мой избранник и нет ли в кустах с роялем кого получше – все это жалкая суeta взрослых, потерявших в своих заботах что-то самое важное. Чуткому светлому сердцу, чистой душе достаточно просто любить! Таковы были мои убеждения, и ничто в мире не могло поколебать их.

Сейчас, по прошествии времени, я улыбаюсь, вспоминая свои тогдашние мысли... Но пока мне без двух недель шестнадцать, я положительно не вижу полутонов: для меня есть только черное и белое. А уж если я хочу быть ребенком в душе, значит, и выглядеть должна как ребенок!.. И я с волнением смотрю на пожилую женщину, кондуктора троллейбуса, гадая: поверит ли она в то, что мне не больше четырнадцати? Дело ведь не только в стоимости проезда.

На сиденье передо мной плюхаются две фигуристые девушки. Глаза у обеих умело подведены карандашом, ресницы окрашены, лица облагорожены плотным слоем тонального крема – и не улыбнуться под его тяжестью. Мне, негативно относящейся ко всякого рода косметическим уловкам, при взгляде на них тут же приходит ассоциация: «Забальзамированные!» В это время к девушкам подходит кондуктор, недвусмысленно намекая на плату за проезд.

– У нас сегодня первое июня или как? – Одна из пассажирок достает из маленькой сумочки свидетельство о рождении.

Кондукторша с сомнением оглядывает фигуру девушки, хмыкает, охватывая движением глаз третий размер груди, но потом видит год, указанный в свидетельстве, и возвращает документ владелице.

– Ишь ты, – говорит она. – Ну, раз так, езжай.

Каждый раз, встречая в городе таких девчонок, я искренне пыталась понять, что ими движет, какой у них смысл жизни? Их интересы – по крайней мере, те, которые я им приписывала, исходя из внешнего вида, – казались мне очень незначительными. Как у Матроски-на: «Усы, лапы и хвост – вот мои документы!» А тут: «косметика, мальчишки и наряды». Я никак не могла взять в толк, что стремление выглядеть красиво (что бы ни скрывалось за этим, ведь понятие о красоте у всех разное) не исключает наличие богатого внутреннего мира... Еще Пушкин подметил в своем «Онегине»: *быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей!*² Скорее всего, мне претило тогда даже не само желание сверстниц краситься, а их стремление к определенному эталону внешнего вида, который в подростковом возрасте, как правило, общепринят. Следовать моде для меня означало *быть как все*. А ведь шаблонная внешность не позволяет порой разглядеть внутренний мир, и, глядя на одинаковые черные стрелки и «smokey eyes», можно ошибочно прийти к выводу, что и внутри у девушек все одинаково. Вот и я была одной из тех, которые, *встречая по одежке*, забывают, что провожать надо по уму. Только признаться себе в невыполнении второй части этой поговорки я не могла...

...– У меня то же самое, мне тринадцать! – Подружка первой модницы пытается нащупать нужную бумажку в рюкзаке. – Мы вообще одноклассницы.

Женщина машет рукой, мол, верю, не доставай. Настает моя очередь, но белое платьице с цветочками и ненакрашенное лицо выглядят для нее убедительнее любой справки и даже не вызывают мысли проверить мой возраст. Она отходит на свое место, и я гордо еду пять остановок до вокзала совершенно бесплатно. Моему счастью нет предела: детство продолжается, и мир тому свидетель!

* * *

В зале ожидания душно. Кондиционеров в старом здании вокзала нет, зато вдоль стен заботливо выставлены жесткие деревянные скамейки. Я, Федя, ее сестра Елена и Александра Викторовна чинно сидим рядком и молчим.

Лена старше меня всего на год, но кажется, что лет на десять. Раньше она тоже была «своей», но теперь выросла и уже второй сезон ездит в лагерь как помощница вожатой. Сейчас Лена скорее на одной волне с Ариадной, которой целых двадцать шесть. Она вместе с другими молодыми вожатыми – Робертом, девятнадцатилетним племянником Ариадны, двадцатилетними Мариной и Кристиной – составляют отдельную тусовку. «Свои» хоть и зовут их просто по имени, опуская отчества, но запанибрата общаться себе не позволяют. Между нами уже дистанция.

Федя, прикрыв глаза, покачивается в такт музыке, гремящей у нее в наушниках. Пшенично-русые волосы моей подруги украшены четырьмя косичками-растами³, по две с обеих сторон. На одной из косичек болтается крошечный колокольчик, поэтому любое движение головы вызывает тоненький тихий звон, словно из сказки. Я наклоняю голову и в который раз любуюсь ее волосами: на солнце они отливают платиновым золотом! Мои были такими же еще четыре года назад, но потом вдруг начали темнеть. Я очень огорчилась, когда заметила это. Почему-то мне тогда хотелось быть блондинкой, и именно натуральной. Теперь мои волосы приобрели цвет молочного шоколада, и их даже темно-русыми не назовешь. Но я привыкла и полюбила свой новый цвет, когда обнаружила, что он прекрасно подчеркивает глубину моих сине-голубых глаз. А Федька хочет покраситься в рыжий и спрятать свои асфальтово-серые радужки за зелеными линзами!

² Цитата из романа в стихах «Евгений Онегин», глава 1, строфа XXV.

³ Раства – небольшая прядь волос в виде косички, оплетённая по кругу нитками, на которых нанизаны бусины и другие миниатюрные украшения.

От размышлений о прекрасном меня отрывает вопрос Александры Викторовны:

– Анастасия, что ты планируешь сегодня делать?

Федина мама, даже обращаясь к собственным дочерям, предпочитает полные имена. Но именно в ее устах это не отдает официальностью, и мне такое обращение нравится. В святцах⁴ встречается много старинных красивых имен, но в сокращении они звучат так, что и произносить их не хочется. Кто-то называет сокращения уменьшительно-ласкательными. Но приласкать Георгия Жорой, а Владимира – Вовой мне бы и в голову никогда не пришло. Так ведь и обидеть можно: какой ты Георгий, Жора ты, и все!

– Пока не знаю... – отвечаю я. – Но совершенно точно не уеду, пока не встречу Ариадну! Сколько бы ни тащился этот поезд! – Я сердито смотрю в сторону громкоговорителя, откуда доносится гнусавый голос:

– Поезд номер двадцать семь опаздывает на тридцать минут...

За то время, что мы сидим, это объявление звучит уже второй раз. Ариадна – учитель русского и литературы – живет от нас в пятнадцати часах езды. В течение учебного года мы видимся с ней только дважды – на Рождество и на Пасху. Или один, если на Пасху ее не отпускают из школы. Поэтому наше сегодняшнее оживление вполне понятно – последний раз мы встречались в начале апреля.

– Но на всюнощную-то вечером пойдешь? – спрашивает снова Федина мама.

– Конечно! – восклицаю я. – Завтра же Родительская!..

Да, завтра Троицкая Родительская суббота, а послезавтра – сама Троица, светлая, зеленая, радостная и одновременно немного грустная: жаль, что подходят к концу пасхальные дни.

Нужно сказать, что, в отличие от тех моих друзей, кого привели в храм в детстве родители, я пришла туда самостоятельно, хотя и несколько позже, чем они. Так уж сложилось. Мама считает себя верующей, но в церкви бывает нечасто. А я с десяти лет сама начала ходить на каждую воскресную службу – благо храм располагался возле моей школы. Бабушка и мама только диву дались – никто меня к вере не принуждал, на службы не тянул, а на-ка, поди!

– Ладно, – хлопает в ладоши Александра Викторовна. – Давайте не будем сидеть без дела и посмотрим программу будущего лагеря. – С этими словами она достает из сумки толстую папку с распечатанными листами. – Вот примерно то, чем мы можем заняться...

Я впечатляюсь количеством бумаги:

– А вы точно хотите устроить лагерь на двадцать четыре дня? В вашей папке столько листов, что хватит месяца на два, не меньше...

– Это только так кажется. А потом хватимся в середине смены, а делать больше нечего! – возражает Федина мама. – Ну, так что? Какие игры у нас будут в этом году?

Я жадно тянусь к распечаткам. Федя вытаскивает один наушник и с интересом прислушивается к разговору. Лена остается безучастна к происходящему. Ее, наверное, можно понять: когда твоя мама – руководитель лагеря, а ты сама помощница вожатой, все эти планы не вызывают былого восторга... Хотя нет. Все равно не понимаю: как можно быть равнодушной, когда дело доходит до обсуждения нового сезона?

– Утром же, как обычно, занятия? – уточняю я, деловито перебирая распечатанные листы.

– Да, и в этот раз вас ждет что-то особенное! – улыбается Федина мама и замолкает, наблюдая за моей реакцией.

Я тут же возмущаюсь:

– Александра Викторовна! Начали, так договаривайте!

⁴ Список святых, чтимых Православной Церковью, составленный в порядке месяцев и дней года, к которым приурочено празднование и чествование каждого святого.

Та смеется в голос, чрезвычайно довольная моим нетерпением, потом, смиростивившись, объясняет:

– Ариадна у своего десятого класса собирается вести курс, который будет называться «Православный дом». Что-то связанное с домостроем, семейными ценностями, традиционными отношениями в доме... Она хочет сначала опробовать эту программу в лагере и провести с вами несколько занятий из этого курса.

– Она будет пробовать свою программу на нас? – переспрашиваю я, ушам своим не веря. Вот это счастье!

– Да, посмотрит, как дело пойдет. Это только для старших детей, конечно, – отвечает Александра Викторовна.

Кроме полных имен Фебина мама часто использует в обращении слово «дети», деля их на «детей маленьких» и «детей старших». Причем это деление так относительно, что в разных обстоятельствах можно оказаться в разной категории. Иногда даже вожатые попадают у нее в категорию детей. Разумеется, только при своих. Чтобы не понижать авторитет.

Феде это очень не нравится, ей хочется быть старше. Мне же, наоборот, приятно. Ничто не может расстроить меня сильнее, чем замечания приезжающих в гости родственников о том, как я *повзрослела*.

– Поезд номер двадцать семь... – доносится из динамика.

– Опять?! – негодуя восклицаю я.

– Тише! – обрывает меня Федя.

– ...прибывает на третий путь!

Ура! Александра Викторовна неторопливо, без суеты, складывает распечатанные листочки в папку и поднимается. Мы с энтузиазмом следуем за ней.

Глава 2

Парень для Светы

2 июня

Вечерняя служба идет своим чередом. В храме многолюдно. Завтра Троица. Федя еще стоит и ждет своей очереди на исповедь, а я уже «отстрелялась» и решила присоединиться к Лиде, Свете и Наташе – тоже из компании «своих». Они исповедовались самыми первыми и ушли отдохнуть на первый этаж, в комнатку сторожа.

Я спускаюсь по лестнице, вхожу в полутемный гардероб. Окон здесь нет, и кроме крохотной лампочки на потолке каморку освещают только свет из открытой двери в трапезную, голубое мерцание компьютера да настольная лампа. На экране монитора отображаются виды с камер наблюдения над входом и на заднем дворе, а в кресле сидит с книгой охранник Юра.

Юра – совершенно не типичный охранник, какого можно увидеть в торговом центре или офисе. Да и как можно быть типичным охранником, если ты работаешь в храме? Высокий и худой мужчина средних лет с небольшой бородой, с добрыми, но серьезными глазами, вечно с книжкой в руках – некоторые по ошибке принимают его за священника. На поясе у Юры висит солидная связка ключей от всех помещений – он с ней никогда не расстается и хранит с таким трепетом, что поневоле ощущаешь уважение к человеку, который каждое утро отпирает двери церкви, клироса и алтаря. Ведь дело не в том, что он может и не отпереть, – важно, что именно он и отпирает. Впрочем, и не впустить Юра может, если кто-то придет в неподобающем виде и не с тем настроением. Хорошо помню, как однажды он стоял на входе в храм, преграждая дорогу молодому хорошо одетому парню, который громко матерился и кричал непристойности. Тот так и не прорвался...

Проходя мимо сторожа, я вспоминаю вчерашних девушек из троллейбуса и думаю, как бы он взглянул на них, если бы вдруг каким-то невероятным образом их занесло сюда? Стал бы, качая головой, рыться в корзине с платками, чтобы вытащить оттуда самые большие палантины и завязать один в качестве юбки, а второй набросить на плечи?.. Или так и пустил бы в храм в обтягивающих джинсах и топах, как пустил недавно заплаканную молодую женщину, пришедшую под конец службы? И не только пустил, а и к батюшке сам проводил... Значит, не всегда дело во внешнем виде! Впрочем, на Федьку-то в штанах он не ругается! Хотя у нее штаны широкие и бесформенные, почти как юбка.

Подняв глаза от книги, Юра улыбается, увидев меня, – всех «своих» он хорошо знает, как и мы его.

– Что, Настенька, уже служба закончилась? – спрашивает он, и его наивно-искренний тон как будто не допускает возможности даже предположить, что я могла уйти из храма просто так. И мне почему-то становится совестно – ведь именно это я и сделала. Но тут же находится оправдание, которое я и озвучиваю сторожу:

– Я только схожу девочек позову, а то они ушли и пропали!

Юра смотрит на меня проницательным взглядом и точно видит, что его вопрос попал в цель, вызвав нужные чувства! Он удовлетворенно кивает и снова обращает взгляд к книге. А я прохожу дальше в коридор, ведущий в его маленькую комнатку, которую уже давно следовало бы переименовать из сторожки в девичью – Юры там почти никогда нет, зато очень часто толчемся мы, особенно во время праздничных трапез после служб.

Скрипнув дверью, я оглядываю открывшееся мне собрание. Лиде и Наташе заняли кровать и развалились на ней, скомкав все одеяло. А Света уткнулась на диванчике.

– О, Настя, ты вовремя! – говорит мне Наташа. – Света тут как раз собралась нам на жизнь пожаловаться.

«Картина Репина “Приплыли”, – мрачно констатирую я. – И как же теперь прервать поток жалоб и вернуть их обратно на службу?»

– И нечего смеяться! – Света негодуя смотрит на Наташу. – Между прочим, у меня действительно в жизни есть проблема.

– Ну, так рассказывай. Авось все вместе чего и подскажем, – радушно приглашает Наташа.

Света вздыхает:

– Парень меня один достал. Звонит все время, отношения предлагает.

Свете пятнадцать лет. Меня всегда удивляет ее хриловатый голос, словно она не девушка, а футбольный фанат, отболевший за любимую команду. Да и угловатыми чертами лица она напоминает мальчишку, а курносый нос и тонкие губы усиливают сходство с парнем. От девочки у нее только волнистые волосы до пояса.

– Ну и что? По телефону ведь, – с завистливым равнодушием возражает десятилетняя Лидочка.

Я улыбаюсь ее словам: забавно наблюдать, как маленькие дети уверенно разбираются в отношениях старших.

– Пока по телефону, а потом? – От волнения Света начинает говорить на полтона выше. – Он живет со мной в одном дворе! Как теперь из дома выходить – а если проходу не даст, приставать будет?

Я включаюсь в обсуждение, не давая девочке уходить далеко от темы:

– И что ты ему отвечаешь?

– Че-че... – пожимает она плечами. – Говорю, чтоб не лез, потому что у меня парень есть. И что если он узнает, то голову ему оторвет!

– Неужели поверил? – Наташа скептически приподнимает бровь.

– Да как тебе сказать... По идее, да, но... Нет, он в принципе поверил, что у меня должен быть парень. Я же красивая! – невозмутимо произносит Света.

Это заявление звучит так безапелляционно, что с ним никто не спорит.

– А что тогда?

– А то, что он моего парня никогда не видел и не слышал! Боюсь, скоро перестанет мне верить и очной ставки потребует! И че тогда делать? – Голос Светы снова повышается.

Да, тут есть над чем подумать: ситуация сложная. А я в который раз убеждаюсь, что отношения с парнями в нашем возрасте приносят больше проблем, чем радости. Все эти заморочки совершенно не похожи на те возвышенные прекрасные чувства, которых я жду для себя.

– Насть? – вдруг резко включается в разговор Наташа. – Ты здесь?

Я настороженно смотрю на девочку. Ее тон мне не нравится. Тринадцатилетняя Наташа с детства за словом в карман не лезет. Она занимается в театральной студии и вообще всегда очень бойкая и решительная. В ее интонации уже слышен звон оригинального и острого решения проблемы.

– Тут я, тут, – отвечаю я, опускаясь на диван рядом со Светой. Но наша будущая артистка уже с головой ушла в придуманный ею сценарий.

– По телефону достает, говоришь? – Затейница обводит нас глазами, и я понимаю, что для объявления своего плана ей требуется всеобщее внимание.

– Ага, и эсэмэски дурацкие пишет! По ночам! – жалуется Света.

Наташа коварно прищуривается.

– А давайте-ка мы ему тоже позвоним! – произносит она, прокашливается и вдруг сипит до неузнаваемости измененным голосом: – Слышь, ты! Будешь еще к моей Свете приставать, пожалеешь!

Мы удивленно переглядываемся и одновременно начинаем хохотать, поняв неожиданный план Наташи. Для нее разыграть такое представление – раз плюнуть, а нам – удовольствие посмотреть.

– Давай сюда его номер! – потирает руки Наташа. – Скоро от него одна память останется!

– Да на фиг мне такая память... – бурчит Света, еще не проникшаяся гениальностью идеи. Она неуверенно протягивает Наташе телефон, но потом включается в игру и оставляет трубку себе: – Погоди, давай-ка я сама сначала! – с довольной улыбкой нажимает она на «вызов». – Алло, Сережа? – раздается ее хриловатый голос.

Я не могу отделаться от мысли, что с таким голосом удобно ходить по подворотням и требовать с людей деньги, употребляя только узкоспециальные фразы: «Ты че, а? Да ты слышь, не?»

– А я вот тут с друзьями сижу, да-а... – продолжает девочка, включая максимально развязную интонацию. – Про тебя вспомнили, да-а... А то ты не верил, что Дима существует. Так можешь с ним сам поговорить, он не против!

Наташа некстати закашливается. Света сбивается и замолкает. Тогда трубку у нее выхватывает Лида и говорит неожиданным басом:

– Привет, Ромео!

Мы замираем от восторга, вслушиваясь в разговор.

– Да ты кто такой вообще? – скептически звучит на том конце провода.

Я не верю своим ушам – десятилетнюю Лидочку сразу приняли за взрослого парня!

– Ну, допустим, Колян, – невозмутимо отвечает Лида, перехватив поудобнее телефон, и откидывается на подушку.

Услышав это заявление, мы покатываемся от смеха. Видимо, это слышно на другом конце провода, потому что Сережа позволяет себе усомниться:

– Что-то не похоже, что ты Колян...

Серьезность его тона делает наш хохот еще громче. Купился!

– Чего ржете-то? У вас там что, одна мелюзга? – пытается нахальничать парень.

От этой глупости Лида окончательно смелеет. Она надсаживает связки и продолжает еще более басовито:

– Да ты вообще понял, что сказал, а? Ты на кого, пакетик, шелестишь? Вконец, что ли, нюх потерял?

Услышав это, Светка не выдерживает и выскакивает в коридор. Едва успев закрыть дверь, она разражается таким гомерическим хохотом, что я начинаю опасаться за ее физическое и душевное здоровье.

Тем временем прокашливавшаяся Наташа по-пацански цокает языком и жестом требует трубку себе. Как же без нее – это ведь ее авантюра.

– Слышь! – баритонит она. – Ты про Светку все понял?

Как ни странно, ее голос звучит выше, чем Лидочкин. Однако она тоже очень похожа на среднестатистического парня.

– А это еще кто?

– Допустим, Вован.

– Да у вас там полный набор! – Сомнение в трубке сменяется возмущением.

Наташа что-то бубнит в ответ, но не получает реакции. Она смотрит на экран и разочарованно резюмирует, все еще не выходя из роли:

– Бабло кончилось...

В этот момент я уже смеюсь в голос. Дальнейшее воспринимается вполуха. В дверь просовывается голова Светы, успевшей перевести дух:

– Требую продолжение банкета! У кого на телефоне деньги есть? Давайте еще позвоним!

– У меня нет, – тут же отмахивается Наташа.

– А у меня телефона с собой нет.

– А сходить в банкомат закинуть деньги – не?..

Я примерно предполагаю, сколько может продлиться разговор с Сережей, и поэтому искренне жалею ту из нас, которая согласится отдать на растерзание Свете свой телефон.

– Тоже мне! Друзья называются! Да ну вас всех! – обижается Света.

– Обижаться – грех... – смиренно произносит Лидочка, после чего Светка тут же меняет настроение – причем совершенно искренне, – принимает раскисающийся вид и извиняется.

– Ну, так и что? Играем дальше? – ставит вопрос ребром Наташа.

– Без вариантов! Если мы сейчас же с этим не закончим, то он еще сильнее ко мне приставать начнет! – От волнения Светин голос берет неимоверную высоту. – Дима-то с ним так и не поговорил!

– Какой Дима? – непонимающе хмурится наша артистка.

– Я представила своего парня Димой. А из вас пока никто им не назвался.

– А я, между прочим, не экстрасенс! – картинно восклицает Наташа. – Нельзя было сказать, как надо представиться? Вот и что теперь делать? Мой-то голос он уже запомнил! Я не смогу быть твоим Димой... Тьфу! – в сердцах бросает она.

Девочки несколько раз одновременно хлопают глазами, потом им в голову одновременно приходит одна и та же светлая идея, и все трое переводят взгляд на меня. Но взгляды у них совершенно разные. Наташа смотрит с ехидным прищуром, как будто прикидывает, подойду ли я на роль в ее спектакле. Света – просяще-умоляюще, как кот из «Шрека». А Лида – просто радостно и заинтересованно, потому что ей, видимо, очень хочется послушать, как мне удастся изменить голос под мальчика... Что?

– Что?! – спрашиваю я уже вслух. – Не-ет... Я с самого начала молчала, и я не собираюсь принимать участие в вашей аванюре! – категорически отказываюсь я и даже собираюсь встать и сейчас же уйти.

Тут в бой вступает Света. Она садится на краешек дивана и жалобно смотрит на меня. Когда она огорчается, ее губы складываются бантиком так выразительно, что кажется, будто она вот-вот заплачет – не хватает последней капли.

– На-ась, – тянет она.

«Нууу, добром это не кончится...» – думаю я...

Света то давила на жалость, слезно прося заступиться за нее, бедную и несчастную. То вспоминала мой диплом из музыкальной школы, говоря, что мне, как человеку с хорошим слухом, ничего не стоит изменить голос. В итоге я соглашаюсь.

К этому моменту Лида уже возвращается из ближайшего магазина, положив на Светин телефон пятьсот рублей. И я понимаю, что за эти пятьсот рублей Света может долго висеть на проводе у Сережи, придумывая, что «Дима» в туалете или где-нибудь еще, и вызывать в это время к моей совести жестами, мимикой и шепотом. Дешевле согласиться.

– Ты хотел поговорить с Димой? – торжествующим тоном наконец произносит Света.

Я сжимаю кулаки и уныло думаю про себя: «Уж лучше бы стояла в храме. Будешь теперь знать, как от службы увиливать!» После недолгого ответа Света передает мне телефон с какими-то милыми напутствиями вроде: «Сделай его! Ты сможешь!»

– Алло... Я бы хотел поговорить с тобой. – Я честно попыталась! Я была даже почти уверена, что голос у меня получится. Но он вышел хуже, чем у десятилетней Лидочки! Только отступать уже некуда.

– А ты еще кто?

– Дима, кто ж еще... – тихо бубню я совсем не похоже на Диму. Девочки сидят рядом затаив дыхание. – До каких пор ты будешь заваливать тупыми эсэмэсками и звонками мою Свету, хотел бы я знать?

– Хотел? Или хотела? – насмешливо переспрашивают из телефона.

В первую очередь я пугаюсь. А уже потом злюсь на саму себя за то, что не могу помочь Свете. И тогда меня начинает нести на волнах импровизации!

...Когда Феодора, отстояв очередь на исповедь, с радостно-заинтересованной улыбкой заходит к нам в комнату – видно, мои вопли слышны из гардероба, – я сижу на кровати и ору в трубку:

– Тебе знакомо слово «мутация»? У меня, может быть, ломка еще не закончилась, вот хожу как дискант недоделанный, людей пугаю! А ты не смей ничего говорить про мой голос!

– Мутация? – хихикают в трубке.

Света торжествующе выхватывает у меня телефон.

– Видишь, какой Дима умный! Он убил тебя одним словом! Ты не знаешь всего его интеллекта! – словно горох сыплет, тараторит она. – Он... он вообще!

– А что здесь происходит? – как можно спокойнее спрашивает Феодора, оглядывая нас. Она проходит в угол комнаты, на всякий случай обходя меня подальше, садится в кресло и кладет рюкзак на пол.

Света сбрасывает вызов и опускает руку с телефоном.

Я глубоко вздыхаю и обращаюсь к ней с виноватым видом:

– Вот видишь! А ты говорила – музыкальное образование... Да Лида справилась лучше меня!

– Да ладно! Зато ты его интеллектом убила! – весело заключает Света. – А еще у нас есть Федя! – неожиданно добавляет она.

Я сочувственно смотрю на подругу.

– Чего ты хочешь от меня, женщина? – в своей обычной манере спрашивает Федя, произнося эту фразу с таким удивлением и неудовольствием, что любому должно стать ясно, что она не намерена участвовать ни в каких сомнительных мероприятиях. Но Света умеет уговаривать.

А я понимаю, что не хочу участвовать во второй части нашего «Марлезонского балета», встаю с кровати и поправляю измявшееся платье.

– Пойду все-таки на службе постою, – объясняю я девочкам. – Долго там до помазания, Федь?

– Да нет. Еще полчасика, наверное.

– Позови нас, как начнется! – просит Наташа.

Я киваю, вешаю на плечо летнюю тканевую сумку и выхожу в полутемный храмовый гардероб.

– Ну, что, конопатая, долгое это дело – подружек дозывать? – улыбается сторож, все так же сидя с книгой у монитора. – Вон и вторая за вами пришла!

– Федя-то? – рассеянно переспрашиваю я, и тут в комнате, откуда я только что вышла, раздается очередной взрыв хохота.

Юра неодобрительно качает головой. И, хотя причина веселья ему неведома, я чувствую необходимость оправдаться:

– Вытащишь их, как же... Лучше сама обратно на службу пойду. Авось хороший пример подействует.

– А вот это правильно, – соглашается он.

Чем кончилась эта история, я так и не знаю. Но с тех пор Света ни разу не заикалась о том, чтобы кто-то из нас изображал ее парня. Или наше представление с первого раза возымело нужный эффект, или, наоборот, мы слишком плохо сыграли свои роли и поэтому Света не просила повторить спектакль «на бис», но больше на своего озабоченного соседа она не жаловалась. И я была рада этому. Нелепая ситуация вместо хохота стала вызывать смущение, сквозь призму которого, как сквозь пыльное стекло, детали были уже едва различимы. И только укоризненные глаза охранника помнились все так же ясно.

Глава 3

Троица

3 июня

Троица! Слово гулкое, точно колокол. Оно гудит, и вместе с его гулом разливается по улицам летняя зелень. Казалось, еще вчера аллеи были усыпаны клейкой шелухой тополиных почек и только вылупившиеся листочки – блестящие и липкие – источали пронзительный горький запах. Что за сочный светло-зеленый цвет у них – аж зубы сводит, как от лимона!.. А вот уже за густыми кронами не видно веток, и шелестит листва, остепенившаяся, приобретшая благородный темно-изумрудный оттенок, и все кругом радостно, торжествующе.

Словно в один день преодолен рубеж между весной и летом. Даже если Пасха ранняя и Троица приходится на май, все равно в этот день кажется, что уже наступило лето. Птицы поют по-особенному, да и воздух совсем другой – троичный воздух. Он разом воскрешает в памяти картину леса, разморенного колышущейся жарой, с цветами и шмелями на полянках, он дарит ощущение полной свободы – свободы на целых три месяца!

Даже в храме все зеленеет⁵: священники ходят в зеленом, на аналоях зеленые покрывала, у дверей стоят березы, а пол усыпан сладко пахнущей травой.

Я стою на клиросе, облокотившись на перила, и смотрю вниз на толпу: люди в ней колеблются в такт службе, как былинки на ветру. Федька подходит ко мне и тоже свешивается с перил.

Мы поем в церковном хоре уже три года. Нельзя сказать, что наши неокрепшие голоса вносят ощутимую лепту в общее звучание. Скорее, нам просто сделали одолжение, позволив принимать участие в службах. Но, даже понимая это, я все равно очень горжусь своей «привилегированностью». Ведь больше никто из «своих» на клирос не допущен.

Пока я разглядываю происходящее внизу, жизнь в храме идет своим чередом: чтец бормочет положенные «часы», одна из певчих спустилась в храм и дожидается исповеди, остальные сидят на лавочках, а регент Ольга перебирает ноты. Отец Даниил обычно исповедует только на вечерне, но сегодня большой праздник, народу много – как откажешь людям, кому вечером попасть в храм не удалось?

Я вспоминаю вчерашнюю службу и вспыхиваю от удовольствия: батюшка в молитве все еще называет меня «чадо»!..

Для тех, кто не в курсе, поясню. Обычно, когда в молитвах перечисляют имена, обращения используются разные – в зависимости от возраста. Про детей до семи лет говорят «младенцы», про более старших – «отроки» или «отроковицы», про взрослых – «раб Божий» или «раба Божья». В молитве, которую священник читает после исповеди над головой кающегося, вариация другая – там слово «отрок» заменяется словом «чадо»: *«Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо (имя)»*... Как обращаются к взрослым, я никогда ни у кого не спрашивала и на чужой исповеди не слышала, но предполагаю, что как обычно в таких случаях – «раб Божий». И вот лет с пятнадцати, каждый раз подходя на исповедь, я с замиранием сердца жду: скажет ли надо мной отец Даниил слово «чадо» или уже назовет как взрослую – «раба Божья»?.. Ведь я же еще не потеряла умение радоваться жизни, я же еще могу, как ребенок, восхищаться красотой мира, значит, я все еще имею право называться «чадом»!.. И каждый раз, слыша из уст батюшки в свой адрес это заветное слово, я чувствую, как восторг и облегчение прокатываются по всему моему существу

⁵ У церковных праздников есть свои цвета. В день этого праздника облачения служителей и всего храма всегда положенного цвета. Например, цвет праздников Богородицы – голубой. Цвет Пасхи – красный. А цвет Троицы – зеленый. По традиции храмы и жилища в этот день украшаются березками.

теплом и трепетом. И вот вчера в молитве прозвучало именно это – ожидаемое: «чадо»! Вот и сошлось духовное с мирским: и там, и там я остаюсь ребенком, ни кондуктор, ни батюшка не опровергли мою радостную принадлежность к детству.

Мой взгляд рассеянно скользит по толпе, когда вдруг я замечаю Милу, еще одну девочку из круга «своих», и толкаю Федю в бок. Та тоже видит Милу и согласно кивает.

Людмила, или просто Мила, – моя одноклассница, однако в этом году она уже закончила десятый класс, а я еще только девятый. Мила – добрая и очень спокойная девушка. Она самая старшая в большой семье и привыкла к ответственности за братьев и сестер. Возможно, поэтому всегда такая серьезная. Тем не менее, несмотря на кучу обязанностей, Мила каждый год выбирается в лагерь. А вот в следующем году ее там, скорее всего, не будет: экзамены, поступление и прочая суета сует не позволят.

Храм между тем продолжает наполняться. Я приглядываюсь к вошедшим, прищуриваюсь и различаю среди них Петю. «Петя приехал! Надо же! До лагеря еще полтора месяца, а наш народ уже потихоньку собирается!»

Петя и Паша. Братья-погодки – тоже «свои». Паша – ровесник мне и Миле. Петя на год нас младше. Живут они не в городе, видимся мы редко, и моя радость от встречи хотя бы с одним из них вполне естественна. Мы же пересекались в последний раз еще весной, на каникулах. Они из небольшого поселка Светлогорск, расположенного от нас аж в восьми часах езды. Я и не рассчитывала увидеть парней раньше, чем в лагере, но Петя почему-то уже здесь. Интересно, какие у него планы?

– А ты Катю не видишь? – обращаюсь я к Феде.

Это – «кстати, о Светлогорске». Катя (еще одна наша подруга) не раз говорила о том, что у нее там живет бабушка. Она даже ездит к ней иногда на каникулы. Кате четырнадцать, она милая и скромная девушка, правда, очень ранимая. В прошлом году, когда Петин брат Паша пользовался у наших девочек особенной популярностью, именно она привлекла его внимание. В принципе – повод для гордости. Но только конец у этой истории вышел невеселый...

* * *

Как раз во время прошлогодней смены я неожиданно для себя обнаружила Пашу. Именно так – обнаружила. Он говорил, что бывал в лагере и раньше, но тогда я его совершенно не запомнила. А тут вдруг увидела рядом довольно симпатичного мальчика из шестого отряда. Стоило лишь повернуть голову налево во время какой-то общей игры!

– Привет, – поздоровалась я тогда, пытаюсь угадать по внешнему виду, одноклассники ли мы.

– Привет. А я тебя помню! – легко ответил он.

«Интересно, – подумала я про себя. – А я тебя нет». Каково же было мое удивление, когда я узнала, что Катя-то не только запомнила его с прошлого года, но еще и умудрилась влюбиться. И все бы ничего, дело житейское. Но в ее исполнении влюбленность выглядела как-то неуклюже. Мы все чувствовали неловкость при виде ее заискивающей улыбки во время разговора с Пашей. Нас коробило то, как она отесняла остальных, садясь с ним рядом во время занятий в беседке, да и все прочие проявления ее влюбленности вызывали в остальных девочках не сочувствие, а жалость. Вот же угораздило! Мы все – и я тоже – были твердо убеждены, что чувство должно возвышать девушку, а Катю оно скорее унижало. Да и она сама понимала, что ведет себя неправильно, но изменить ничего не могла.

В конце концов Паша сдался, как осажденная крепость на милость победительницы. Он предложил ей встречаться, хотя это предложение больше напоминало появление парламентаря с белым флагом, чем искреннюю симпатию. Но радость победы оказалась недолгой. «Да зачем я тебе сдался?» – на эту мысль Паша начал наталкивать влюбленную девушку так активно, что та совсем сникла. Бедняжка все чаще спрашивала подруг тихим голосом: «Ну, почему он так

со мной?» Но мы, хотя и искренне жалели ее, не знали ответа на этот вопрос. Нам казалось, что гад Паша с полным безразличием играет на чувствах другого, искренне равнодушного к нему человека.

Ошибались ли мы?

* * *

После службы мы с Федей быстро сбегает вниз с клироса по крутым ступеням. Федя в штанах и кроссовках делает это довольно ловко, я же, путаясь в подоле длинного платья, спотыкаюсь и едва не качусь с лестницы кубарем, но вовремя хватаюсь за перила. Внизу уже ждут Мила, Петя и Света. Катя тоже тут как тут, видимо, она приехала к самому концу службы.

– Ну что? – после хора приветствий оглядывая собравшихся, сразу берет быка за рога Петя. – Пошли гулять куда-нибудь?

– Пойдем. Ты только скажи сначала, как здесь оказался за полтора месяца до начала лагеря? До самого сезона останешься или как? – интересуюсь я. – И где, кстати, Пашу потерял?

При упоминании этого имени Катя мрачнеет. Но Петя уже начал отвечать:

– Пашка-то? Он сказал, что за год школы напахался, как лошадь, и летом будет только отдыхать. А я на компьютерные курсы приехал: с их корочкой потом подрабатывать можно. Грех не попробовать.

– Какой молодец! – одобрительно киваю я. А про себя думаю: «Не то что Паша! От него семья помощи не дождется! Раздолбай – он и есть раздолбай! И что только в прошлом сезоне все девчонки нашли в нем?»

Хотя и в раздолбаях есть своя прелесть. С Пашкой наша компания становится веселее, и мне жаль, что мы не увидимся до лагеря.

– Надо было тебе, Петя, на брата повлиять, – назидательно говорю я.

– А сторож ли я брату своему? – парирует тот.

Цитата из Библии звучит в данном контексте так кощунственно, что возмущение пресекает все мои вопросы.

Да и не до того: из служебной двери возле самой солеи появляется Денис, и разговор сворачивается. Компания в сборе, можно и выдвигаться. И мы гомонящей гурьбой высыпает на улицу, которая уже всю загорает под высоким, почти пляжным солнцем.

«Все-таки интересно собралась наша компания, – думаю я. – Почти с бору по сосенке. Кто откуда». Вот Дениса, например, три года назад привела Наташа. Они давно знакомы по театральной студии. Наташа сразу выделила его среди других студийцев и стала зазывать к нам в лагерь. Правда, пока они учились в младшей школе, вместе поехать на смену никак не удавалось. Как только начиналось лето, родители отправляли Дениса к бабушке и дедушке в Белоруссию. Однако, достигнув двенадцати лет, он решительно заявил, что уже достаточно вырос для того, чтобы самостоятельно выбирать, где и с кем проводить каникулы. Как ни странно, аргумент подействовал. Сейчас Денису пятнадцать. Он серьезный и вдумчивый, а в школе почти круглый отличник. Отец Даниил даже разрешает ему по воскресеньям помогать на службе в алтаре. Впрочем, и Паша, хотя он и раздолбай, у себя в Светлогорске тоже алтарничает в храме...

Но куда же пойти гулять? Выбор падает на Парк Победы.

По дороге туда мы покупаем мороженое. Хорошо, что киосков в городе много: Света и Катя, дойдя до следующего, уже успевают расправиться с первыми стаканчиками. Пока девочки покупают добавку, к нам неожиданно обращаются с вопросом двое оказавшихся рядом парней – им примерно лет по двадцать. Вопрос очень странный:

– Вы знаете, что такое любовь?

Ничего себе! Ухаживать, что ли, собрались? Подкат такой? Но юноши объясняют: они с третьего курса факультета социологии и психологии и опрос всех встречных-поперечных – часть их зачетного задания. С выбором темы их не ограничили. Поэтому сейчас будущие социологи ловят на центральной улице людей и спрашивают всех об одном и том же.

Девчонки мнутя, Федька вообще решительно качает головой, отказываясь опрашиваться. Студенты поворачиваются ко мне:

– А вы знаете?

– Да, знаю! – А что здесь такого трудного, скажите на милость?

– Поделитесь?

Мой ответ записывают, и я задираю нос, несмотря на то что один из молодых людей улыбается с легкой иронией.

Что такое любовь? Как можно этого не знать?! Они б еще спросили, в чем смысл жизни, хотя, наверное, такие вопросы задают философы, а не психологи. Но я-то – человек верующий: я с легкостью могу ответить на вопросы представителей обеих наук. «Гимн любви», написанный апостолом Павлом, мне знаком еще с третьего класса воскресной школы. Там же ясно сказано: *«любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не гордится, все покрывает, все переносит»*... Пунктов еще много, и, стремясь поскорее ответить, некоторые я могу забыть, но только не последний – *«любовь никогда не перестает»*... Вот это *«никогда не перестает»* меня сразу зацепило. Вот же он – главный отличительный признак любви: вспыхнув однажды, она горит и горит и по этому постоянству всегда безошибочно узнается. Если что-то было и перестало, какая же это любовь – это что-то ненастоящее. Оно бывает у тех, кто погряз в суете и разучился понимать свое сердце, – короче, у взрослых. У ребенка не может быть ненастоящего! Так думаю я за одиннадцать дней до своего шестнадцатилетия. И пускай мои мысли не повлияют на мировую статистику, может быть, когда-то они откликнутся студенту, конспектирующему за мной в блокнот. Ведь что написано пером – не вырубишь топором.

* * *

День был прекрасный – мы замечательно провели время. Я вернулась домой в десять вечера, поужинала и собралась засыпать. Но – не тут-то было!

В половине двенадцатого из первой дремы меня вырывает голос Пугачевой, доносящийся из мобильного: *«Я так хочу, чтобы лето не кончалось!»* (Только не надо относить меня к поклонникам примы! В лагере мы часто поем под гитару, поэтому «Лето, ах, ле-е-ето» для меня – один из символов нашей смены, и чтобы скрасить себе ожидание, я поставила эту песню на звонок с первого июня). Тянусь к телефону, лежащему на тумбочке, и едва не падаю с кровати. «Вот зараза!» – думаю я, но произношу все-таки другое:

– Але?

– Привет, Настя! – Это Павел. Только он, разбудив человека среди ночи, может говорить голосом довольным, как улыбка Чеширского кота.

– Ну, здра-авствуй... – тяну я вяло, всячески давая понять, что разбужена.

– Ты спишь?

– Издеваешься? – Возмущение делает мой голос предательски звонким.

– Ага, замечательно! Слышу, что уже не спишь! – радостно пользуется этим парень.

Я вздыхаю. Что ж, пока мама сидит на кухне, можно, в принципе, и поговорить. Если она услышит, что я не сплю, мне, конечно, влетит. Но звонящему до этого и дела нет. Его вечерние звонки стали традицией еще с нового года.

Тогда он собирался приехать в город из своего Светлогорска, но обстоятельства сложились криво. Упрямый школьный английский никак не влезал в Пашкину голову, и его на все каникулы приковали к англичанке для дополнительных занятий. Та хотела очистить свою

совесть от тройки за четверть, поставленной ему авансом вместо заслуженного неуда. Тогда в тоске по лагерным друзьям (которая усиливалась тем, что Петя без него все-таки в город поехал) Паша решил звонить всем «своим» каждый вечер по очереди. Сначала он звонил один, но потом подключил двоих друзей: Андрея и Георгия. Правда, Георгий сам себя именовал Гор. (Спасибо, что не Жора! Видимо, тоже не любит такое сокращение.)

Впрочем, разговаривая со мной, Паша им трубку почти не давал. Несколько раз я обмолвилась парой фраз с Гором, и меня до глубины души поразили его загадочный бархатный голос. От Андрея мне досталось еще меньше – только его смех на заднем фоне. Но, как бы то ни было, спустя полгода постоянное присутствие невидимок при наших телефонных разговорах сделало их такими же естественными элементами в компании «своих», какими были и Паша, и его брат. И не только для меня. Света и Катя вообще успели хорошо узнать и Андрея, и Гора. Они обе спали в собственных комнатах отдельно от родителей и могли беспрепятственно шептаться по телефону хоть до двух часов ночи.

У меня все иначе. Отдельной комнаты нет – мы делим одну спальню с мамой, зато имеется «боязнь» телефонных разговоров. Ничего не могу поделать: мне тяжело общаться, когда я не вижу собеседника и не понимаю его реакций. Наладить контакт с призраком кажется мне непосильной задачей. Когда нужно кому-то позвонить, у меня почти всегда падает настроение. Поэтому и разговоры с Пашей не клеятся.

Однако он этого, кажется, не замечает и все равно продолжает звонить мне каждый день, словно оператор колл-центра. И каждый день я напрасно надеюсь, что сегодня он пропустит мою фамилию в списке.

– Ну, как день прошел? – Первая фраза не балует оригинальностью.

Настроение от удачной прогулки все еще со мной, а кроме того, мне хочется подвигнуть Пашу и его таинственных друзей приехать из своего Светлогорска к нам в город. Поэтому я принимаюсь живописать наши сегодняшние похождения, не упуская возможности подчеркнуть, что приехавший Петя очень радовался встрече и что нам было весело вместе. Мне кажется, Паша должен понять мой тонкий намек на то, как много он теряет, сидя в своем захолустье. Но Паша не из тех, кто понимает намеки. Красноречие на него не действует.

– Короче, когда приедешь? – спрашиваю я напрямую.

– О! Да вы достали уже со своим «когда», – кокетничает он.

Надо же! А я, оказывается, сегодня еще и не первая в очереди! Спасибо, хоть не в три часа разбудил.

– Ну, вот видишь – мы все вас ждем!

– Раньше лагеря вряд ли выберусь, – отвечает Паша.

Я хмурюсь и от раздражения сжимаю трубку. Надо же быть таким ленивым на подъем!

– Черепахи! – Мой голос становится грозным. – Смотри! Мы ведь и сами можем приехать!

– Давайте! Приезжайте! – Угроза не действует.

– И чем развлекать будете? Что делаете-то целыми днями?

– Да мы тут пену тянем!

Ну, конечно, как же я не догадалась! Разве они когда-нибудь чем-нибудь другим занимались?

«Пену тянуть» – любимое выражение Паши. На нашем местном диалекте «тянуть пену» или «мочить корки» означает «шутить, прикалываться». Пашины речь и мимика настолько характерны, что преступника из него не получится. Любой доктор Ватсон по описанию узнает.

– Как там Александра Викторовна? Что она говорит насчет лагеря? – Судя по неожиданному вопросу, лагерные дела для него все-таки не безразличны. Этим я не могу не воспользоваться.

– А она, Паша, между прочим, новую программу делает! Мы с ней вместе позавчера сидели, подбирали, что для нашей смены подойдет, – ехидно сообщаю я. Может быть, хоть это его раззадорит, вынудив поднять свою ленивую пятую точку и сорваться с места пораньше?..

Мне на глаза случайно попадают часы, и я спохватываюсь: надо закругляться. Да и дневная усталость дает о себе знать.

– Так, ладно... Я, наверное, все-таки спать пойду... – Я потихоньку сворачиваю разговор. Как у нас говорят, «начинаю заканчивать».

– А может, не надо? – весело спрашивает Паша. Похоже, ему наши разговоры доставляют какое-то странное удовольствие.

– Нет... – тихо, но твердо отвечаю я. – Хорошего понемножку. «Спят усталые игрушки». Кто там у вас следующий на очереди? Кому вы еще не звонили?

– Мы звонили Феде, Свете, Миле и тебе, – охотно сообщает Паша.

– Ну, значит, позвоните Маше! Заодно передайте привет от меня – мы давно не виделись! – Мой голос уже не оставляет места возражению. – Все, пока...

– А может, не пока?

– Можно и официально: до встречи в эфире! – Концовка разговора меня вполне устраивает.

Маша, которую я предложила разбудить следующей, тоже наш общий друг по лагерю. Основная часть «своих» – даже те, кто живет в более отдаленных районах города, – приезжает по воскресеньям в наш маленький храм на центральной площади. А Маша со своей семьей ходит в другой, поближе к дому. Поэтому с ней мы в нелагерное время почти не пересекаемся.

Ей недавно исполнилось пятнадцать, и, в отличие от меня, она обидится, если кто-то даст ей меньший возраст. Впрочем, такого не случается. Маша создает впечатление взрослой, уверенной в себе, совершенно сформировавшейся девушки.

У нее очень необычная внешность – кудрявые рыжие волосы, идеальная белая кожа без подростковых прыщей и темно-карие, почти черные глаза. Она притягивает к себе взгляды мальчишек, словно мед – пчел. Я восхищаюсь Машей: ее поведением, характером, тем, как она держится. Именно восхищаюсь, а не завидую. Думаете, это невозможно? Еще как! Я настолько не предполагаю, что могла бы стать такой же, даже доведись мне родиться заново в другом мире, что для зависти и места нет. Есть такие люди, на которых смотришь как на предметы искусства в музее и думаешь, восхищенно затаив дыхание: до чего гармонично устроен этот человек, как уверенно и красиво идет он по жизни!..

* * *

Июнь пролетает быстро. Мне кажется, что я ничего не успела сделать за эти тридцать дней, но на самом деле они были насыщены событиями. Скромно прошел мой шестнадцатый день рождения, ради которого мама взяла на работе выходной: мы умотали на озеро и так замечательно провели время вдвоем, что я искренне пожалела о редкости таких вылазок.

Потом мы с Федькой пробыли неделю в монастыре. Потом она исполнила свою мечту – покрасилась в рыжий – и съездила с Леной на рок-фестиваль, а я прочитала двенадцать книг из школьной программы и еще семь по собственному выбору.

Александра Викторовна закончила подбирать программу для лагеря – теперь она подыскивает хорошие фильмы для тех вечеров, когда непогода не позволит детям оставаться на улице.

Ариадна старательно прячет от нас планы своих занятий, чтобы мы ничего не узнали раньше времени. А мы с Катей, Федей и Милой – чаще всего именно таким составом – гуляем. И говорим. О лагере. Все наши мысли о нем. Может сложиться впечатление, что «свои» живут от сезона до сезона. Но нет. В течение года бывает масса других интересных дел и мыслей.

Просто так действует на нас, и особенно на меня, лето: кроме лагеря, ни о чем больше думать не хочется.

Петя после курсов все-таки вернулся в свой Светлогорск. Теперь они звонят всем нашим вчетвером. Ближе к началу сезона, уже в середине июля, мы узнаем, что в лагерь он не приедет. Зато вместо него вместе с Пашей собираются прибыть Андрей и Гор – да-да! Те самые парни, с которыми мы все уже заочно знакомы. «Кажется, сезон в этом году обещает быть особенно интересным», – думаю я и даже не подозреваю, насколько окажусь права.

Глава 4

Здравствуй, «Жемчужина»!

22 июля

Мне ужасно нетерпеливо и довольно зябко: в восемь утра еще неуютно находиться на улице в легком платье. Но сегодня мы наконец-то отъезжаем в лагерь! Ради этого стоило встать в шесть и продрогнуть на утренней прохладе!

Дождаясь Федю и ее маму, Александру Викторовну, у подъезда, я прыгаю то на одной, то на другой ноге, чтобы согреться. Как обычно, «свои» приезжают за день до начала смены, чтобы успеть все подготовить: проверить корпуса, прибраться, принести матрасы... А еще – искупаться в речке, пока никто не сдерживает правилами безопасности, набегаться в лесу, пораспахивать настежь двери домиков, сообщая каждому о начале нового сезона, потанцевать на столе в беседке и сделать много чего еще – благо никто из чужих не видит.

Федя увлеченно таскает вещи с шестого этажа пешком – она боится ездить на лифте. У подъезда, кроме меня, ждут Мила, Катя и Света. Тут же стоит моя мама. Она пошла меня провожать, чтобы удостовериться, что все будет в порядке. А порядок, по ее мнению, заключался в том, чтобы меня поселили в теплый корпус, а не в холодный домик. Она уже несколько раз звонила Александре Викторовне и озвучивала эту просьбу и все равно продолжала переживать. Сейчас она разговаривает с Ариадной. Незадолго до начала сезона вожатая сделала себе химическую завивку и теперь похожа на одуванчик. Мне нравится ее новый образ: золотистые кудряшки, как ни странно, ничуть не делают ее менее серьезной или менее взрослой и очень подходят к ровному овалу ее лица.

Во дворе Федино дома стоят три машины. Одна машина – Милиных родителей. Ее и троих из нас повезет Милин папа. На второй приехала еще одна наша чудесная вожатая Елена Георгиевна. Они с Фединой мамой одного возраста и здорово дополняют друг друга. Стоит Александре Викторовне изложить замысел очередного мероприятия, как Елена Георгиевна подхватывает его и развивает. Правда, порой в направлении, неожиданном для самой директрисы. Мы занимаемся с ней разным творчеством. На ее уроках плелись из бересты настоящие

лапти, вязались на веревках морские узлы, выжигались по дереву с помощью лупы картины, вырезались из тростника дудочки – и мы с наслаждением дудели в них! Что наша Елена-рукодельница придумает для нас в этом сезоне?

Третью машину поведет вожатая Марина. У задней дверцы топчется ее младший брат Сережа, мой одноклассник, еще один «свой». В общем, состав совсем небольшой. А троица из Светлогорска мало того что не приехала в город за весь июль, так еще и к началу сезона опаздывает! Они сообщили Александре Викторовне, что будут только ко второму дню. А мы почему-то в этом году ждем их с особенным нетерпением. Может быть, потому что Паша привезет с собой двоих новеньких и всем не терпится познакомиться с ними лично? «А особенно девочкам!» – говорит мне ехидный внутренний голос, который я тут же пытаюсь заткнуть. Но, по сути, он прав. Ведь новые лица в лагере – это всегда интересно! Все «свои» давно друг друга знают. А тут сразу двое новых парней нашего возраста вливаются в компанию – понятно, что девочки стоят на ушах: а вдруг мальчики окажутся симпатичными? Вон Света как размалевалась, готовится, наверное... Моя нелюбовь ко всякой косметике получает очередное подтверждение: ну смешно же? А главное – намерения шить белыми нитками, и я уж точно не собираюсь вести себя подобным образом. Одно слово – завлекалки. Чем чаще мама намекает, что и мне пора бы начать ими пользоваться, тем меньше мне этого хочется.

– Лисовская-младшая! Почему у тебя еще сумка несобранная стоит? – Зычный голос Александры Викторовны, спустившейся во двор, привлекает всеобщее внимание. Интересно, почему она обратилась к дочери по фамилии?

– У меня все собрано! Я ее просто не закрыла! – тут же возражает Федька, высунувшись из-за большого тюка с одеялами.

– Так, значит, иди и закрывай! – Александра Викторовна никогда не остается неправой. Даже если она не права.

Федя, как всегда после обвинения (справедливо оно или нет), обижается и, демонстративно топая, идет исполнять то, что ей велено. Тем временем из подъезда выходит Лена, и я с удивлением замечаю, что на Федькиной сестре такое же платье, как у меня, только другого цвета. Лена тоже это видит и улыбается. Одинаковые платья нас не смущают, но я не могу не отметить, что такой вырез и открытые плечи смотрятся по-другому, когда у девушки второй размер груди, а не как у меня – первый в зачатке. «А ей очень идет!» – мысль приходит и уходит. Я снова переключаю внимание на погоду.

Мама берет в оборот Александру Викторовну. Ариадна остается разговаривать с Милой и Светой. Кажется, она начала рассказывать им что-то из будущих уроков. Заинтересовавшись, я подсаживаюсь к ним на скамейку. Но наша организационная беседа очень скоро прерывается громкими криками Феодоры:

– Хватит называть меня по фамилии! Ты все утро фамильничаешь! – возмущенно кричит она матери.

– А я хочу, чтобы ты вместо «окей» отвечала мне «да, мамочка», – невозмутимо отвечает Александра Викторовна, вызывая у моей мамы недоуменную улыбку.

У Феи недавно появилась дурацкая, на мой взгляд, привычка на все предложения отвечать «Окееей!», причем так уныло повесив голову, словно бы то, что ей предлагают, совершенно отвратительно и никому не нужно. Мне это не нравится, Александре Викторовне тоже, и она выбрала оригинальный способ избавить дочь от речевого паразита.

Я снова поражаюсь непоколебимости, спокойствию и при этом абсолютной доброжелательности всего, что она делает. Почему-то «авторитарность» Александры Викторовны никогда не воспринимается мной негативно. Возможно, я несколько идеализирую ее, как и Ариадну (хотя Ариадну конечно же больше), но их поведение всегда кажется мне оправданным. А может быть, я просто очень люблю этих людей, а потому принимаю такими, какие они есть.

– Не волнуйтесь, Ирина Валерьевна, место в теплом корпусе за Настей закреплено на все сезоны, – обращается к маме напоследок Александра Викторвна. – Можно сказать, там ее вторая прописка!

– Садимся, поехали! – наконец окликает нас Елена Георгиевна.

Все, радостно галдя, вскакивают со своих мест и кидаются к машинам. Я обнимаю маму и спешу втиснуться на заднее сиденье, где уже уселись Света и Федя. Мила сидит впереди.

– В тесноте, да не в обиде! – с улыбкой оглядывая нас, комментирует ее папа.

Мы отвечаем ему согласными возгласами. Ну, что ж, двадцать четыре дня рая начинаются!

* * *

Лагерь... При воспоминании о нем даже сейчас, спустя много лет, я расплываюсь в улыбке. Он занимал центральное место в моем счастливом детстве. Счастливым – во многом благодаря именно ему.

Сделать православную смену со своей программой на базе обычного лагеря придумали десять лет назад Александра Викторвна и Елена Георгиевна. Место для их идеи нашлось в спортивном лагере «Жемчужина», который отдал под ее воплощение половину домиков и два больших корпуса. К моменту, когда я впервые поехала на эту особенную смену, мне уже доводилось бывать несколько раз в обычных лагерях, и я знала их стандартный набор мероприятий: спортивные соревнования, дискотеки, несколько игр за три недели – «Зарница», «День Нептуна», «Мисс и Мистер лагеря» и что-то еще в том же роде. От лагеря с пометкой «православный» я ждала чего-то совершенно другого: может быть, большей строгости и отрешенности. Однако все оказалось иначе. Помню, меня со смехом спросили:

– А ты что, думала, здесь только молятся и жития читают?

Да, именно так я и думала и в первый сезон с недоумением привыкала к тому, как выглядит православный лагерь в реальности. Утреннее и вечернее молитвенное правило совсем короткое – всего-то три молитвы⁶! Девочки всех возрастов преспокойно встречаются с мальчиками – и не только со своими, но и с атлетами из параллельной смены. Даже на дискотеки, которые устраивает другая смена, разрешают ходить! В самом деле, что это такое? Совсем не видно, что мы другие, что мы – православные! А мне непременно всегда хотелось видеть, ощущать во всем эту непохожесть, эту особенность.

На самом деле особенностей-то было предостаточно. Наше времяпрепровождение очень отличалось от того, чем занимались спортсмены, располагавшиеся в соседних домиках. После зарядки, завтрака, линейки и уборки – стандартных мероприятий для всех смен – те начинали слоняться без дела до обеда, а у нас шли поотрядные занятия. Причем всякий день разные.

Например, в один день Ариадна читала нам стихи, рассказывала поучительные истории из жизни великих писателей, разбирала образы и подоплеку их произведений. И все это – с точки зрения верующего человека, чего мне никогда не приходилось слышать в школе.

А на следующий день наш отряд занимался у ее племянника Роберта, недавно отслужившего в армии и обладавшего командирским голосом и несгибаемым авторитетом. Сначала он вел у нас только стройподготовку: мы маршировали, вертелись по команде направо и налево и прыгали в кусты под зычный возглас «Вспышка сзади!». Но оказалось, что Роберт умеет играть на гитаре и гармошке. На третий год вожатства в его военную голову пришла светлая мысль разбавить наши занятия чем-то штатским. И мы стали учиться танцевать под гармошку

⁶ Имеется в виду правило Серафима Саровского, которое состоит из троекратного произнесения молитвы «Отче наш», троекратного произнесения «Богородице Дево, радуйся» и однократного произнесения «Символа веры». Правило было составлено святым для людей, не имеющих возможности читать положенные утренние и вечерние молитвы целиком.

кадриль, освоили ручеек и прочие славянские забавы-игры. Александра Викторовна для этой цели даже сшила на всех девочек сарафаны – сама, в течение учебного года.

Конечно, и Елена Георгиевна с нами творила и вытворяла. А дети младших отрядов, которые из соображений безопасности не допускались до выжигания или вырезания, занимались более спокойными искусствами с Кристиной: рисовали, шили кукол или плели фенечки из ниток мулине...

После занятий оставалось около часа до обеда – как раз чтобы собраться всем отрядом со своим вожатым и распределить обязанности для вечернего мероприятия. *Каждый* вечер после ужина у нас проходила большая игра или тематический концерт – и то, и другое должно было подготовиться *в тот же день* за пару свободных часов.

А еще у нас есть спевки! А еще – отрядные свечки в конце каждого дня, когда весь отряд собирается и обсуждает прошедший день, отмечая хорошие моменты и высказывая пожелания о том, что можно сделать лучше. А еще!..

– Почти приехали!.. – кричит Федя, вырывая меня из воспоминаний. Она обладает феноменальной памятью на места и издалека узнает нужный поворот к нашему лагерю, хотя, так же как и все остальные, бывает здесь раз в году.

– Уже?! – радостно восклицаю я, подаваясь вперед.

Да, верно, вот и указатель к нашему лагерю, накрепко привязанный к березе. Следом за узкой полосой березняка начинается хвойный бор. С нормальной дорогой приходится поправляться – машины съезжают в настоящий лес. Сухой асфальтовый шум сменяется вкрадчивым шуршанием шин по земле, усеянной иголками. Ход замедляется, и дело вовсе не в рытинах на лесной дороге. Нет, это специально для меня: для того, чтобы я смогла вдоволь налюбоваться приветливыми высокими соснами! Такие обычно называют корабельными: их ровные стволы, пронзительно взмывающие к небу, предстают перед нами во всей своей золотисто-рыжей красе – ведь только их макушки одеты в темно-зеленые шапки. Чем дальше едем, тем, кажется, выше поднимаются облака, в открытые окна залетает мелкая мошка, но даже она не портит настроение. Наш слух балуют переливистые трели и посвисты неведомых мне птиц – сколько раз я намеревалась разобраться в орнитологии и выяснить, кто есть кто, но до сих пор руки не дошли! Все легче вдыхается воздух, пронизанный ароматом смолы, все более чужим кажется городской бензиновый шлейф.

Еще десять минут тряски по ухабам, распугивая белок, ежей и кузнечиков, – и мы с Федей выскакиваем из машины на центральной площадке лагеря. Следом за нами неспешно выходят Лена и Александра Викторовна.

Я оглядываюсь, быстро-быстро поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, силюсь охватить взглядом все разом: не поменялось ли чего с прошлого года? Все, все так же! Огромные сосны, стройные и тонкие, точно верные стражи, окружающие лагерь, непрерывный фоновый стрекот насекомых, луговые цветы и травы, солнце, начинающее входить в силу – к нашему приезду уже десять утра, – высокое-высокое голубое небо... Слезы наворачиваются на глаза. И я знаю, что дело не в ярком свете.

Вот большой деревянный крест, который был установлен еще в первую смену. Здесь мы собираемся по утрам и вечерам на переключку и молитву. Вот широкий светлый корпус, самый уютный и теплый, туда обычно селят младших девочек. Он вплотную прилегает к зданию столовой с высоким деревянным крыльцом. Справа от нее – умывальники и беседка. Слева еще один корпус, на углу которого расположена сцена, а прямо на улице напротив врыты в землю деревянные скамьи. Здесь проходят концерты и дискотеки. За сценой радиорубка – там можно смотреть фильмы и устраивать мероприятия в дождливые дни. За стенкой от радиорубки еще одна большая жилая комната на двадцать человек. Этот корпус менее уютный и светлый, но тоже теплый, и у него есть большая веранда во всю длину вплоть до самой сцены. Когда на

сцене звенят концерты, часть веранды занавешивается тканью и исполняет обязанности кулис, артистической и гримерной в одном флаконе.

А я все поворачиваюсь и поворачиваюсь, кружась быстро, почти как в танце. Вот за крестом – две улицы стоящих друг напротив друга домиков, рассчитанных на четыре человека каждый. Но спать в них холодно... Тут нужно упомянуть об одной особенности нашего края, которая в полной мере ощущается и в детских лагерях. Даже летом ночь и раннее утро бывают ощутимо прохладными, хотя днем царствует курортная жара. А наш лагерь мало того что расположен в глубине леса, что само по себе снижает градус тепла, так еще и горная речка рядом. Ночью температура здесь опускается до плюс восьми, утром не выйти без теплой куртки, и такая холодрыга продолжается примерно до половины десятого, пока солнце не прогреет воздух и не вынудит всех раздеться до шорт, футболок и легких платьев.

Почему строители, прекрасно осведомленные о климатических условиях этого места, поскупились на утепление домиков, я не понимаю. Может быть, они считали, что лагерь делается для закаленных олимпийцев, и решили, что тем все нипочем. Один раз мне довелось жить в домике – сдуру показалось, что это комфортнее, чем с двадцатью девчонками в одной комнате. Под конец сезона я совсем переохладилась, простыла и приехала домой с температурой. Как раз после этого мама и стала просить Александру Викторовну поселить меня в корпус. Да и мне мерзнуть больше не хотелось.

– Ну, здравствуй, «Жемчужина»! – тихо шепчу я вне себя от радости. – Вот я и приехала снова!

И пока лес что-то шелестит в ответ, Александра Викторовна уже кричит мне, чтобы я забирала свои вещи и тащила их в корпус.

Глава 5

«Жемчужина» встречает гостей

23 июля

Детей в эту смену приехало много – полсотни, а то и больше. Я стою вместе со всеми возле медпункта: медосмотр в первый день – обязательная и первейшая процедура. Расселение будет после, а теперь будущие воспитанники православной смены топчутся с вещами возле небольшого домика, отмеченного на двери красным крестом, и изнывают от скуки, пока Александра Викторовна не берет ситуацию в свои руки.

– Ариадна Харламовна! Кристина Сергеевна! Займите, пожалуйста, освободившихся детей. – При детях директриса зовет их только по имени-отчеству, даже совсем молодых Кристину и Роберта. Да что говорить – даже Лену, собственную дочь!

Те, кто уже прошел медосмотр, облегченно вздыхают и собираются возле названных вожатых. Ариадна отбирает себе восемь человек и ведет играть в игру под названием «репка». И хотя я знаю, почему так хитро улыбается моя любимая вожатая, я тоже честно иду играть вместе с новичками, которые еще ничего не подозревают.

Ариадна играет в «репку» каждый год в первый день смены. Она раздает каждому участнику роль персонажа из одноименной сказки – «бабка», «дедка», «репка» и так далее – и начинает рассказывать всем известную историю. И каждый раз, когда участник слышит назначенную ему «должность», он приседает. Вот, собственно, и все. Но если бы это было так просто...

– Репка соленая, репка большая, репка желтая! Приседай, приседай! Репка, репка, и еще раз репка, и просто репка! – Ариадна на мгновение останавливается, чтобы перевести дыхание и придумать следующую фразу. Она упоминает репку гораздо чаще, чем в оригинальном варианте сказки, – это несказанно веселит всех участников.

Дети с интересом ждут продолжения. И оно следует:

– А бабка – та бабка, которая жена дедки, – бабка, которая любит семечки, бабка, у которой внучек много... Внучка, почему не приседаем? Бабка, которая варенье варит по воскресениям... Бабка... А ладно, пошла, значит, бабка... Бабка, говорю! – Девочка, играющая «бабку», со вздохом приседает, наверное, в сотый раз проклиная свои босоножки на каблучках. – Бабка, значит, кликнула внучку. Внучка отказывается, у внучки маникюр, внучке себя жалко, внучка не хочет репку тащить! Репку, говорю, тащить!

Мальчик-репка с притворно удрученным видом садится на корточки и отказывается подниматься. Вредному овощу, никак не желающему вылезать из земли, в Ариадниной сказке всегда приходится приседать больше всех, поэтому вожатая назначает «репкой» самого здорового и сильного ребенка, как правило, мальчика.

– Я больше не хочу игра-ать, отпустите меня! – канючит он, словно двухлетний, но в голосе отчетливо слышны нотки смеха. – Я не знал условий игры, это нечестно! Я больше не могу ни сесть, ни встать, ни шага сделать!..

Ариадна поднимает бровь и скептически смотрит на его накачанные икры, которые явно свидетельствуют о том, что парень привык приседать по меньшей мере раз тридцать за подход. Тот не выдерживает ее иронично-сомнительного взгляда и с позором проваливает роль хилого ботаника, разражаясь заливистым хохотом. Мы с энтузиазмом поддерживаем смех.

Я в этот раз назначена на роль «Жучки», и до меня очередь еще не дошла. На смену «репке» приходит «дедка», который тут же подстраивается под настроение, заданное «репкой», и увлеченно кривляется и стонет, изображая из себя мученика, хотя и этому загорелому жилистому мальчишке сделать подряд восемь приседаний не составляет никакого труда. Но ведь это же так весело: играть в злобных вожатых и несчастных детей, если это всего лишь игра.

– Внучка в модном вечернем платье, внучка с маникюром, внучка приходит к бабке в огород, потому что там растет... репка вкусная, репка сладкая! Репка вырастет – репку срежут, репку сварят, репка еще вкуснее будет!.. Ре-е-епка! – воодушевленно продолжает Ариадна, и голос ее далеко разносится над центральной поляной лагеря, по которой уже разливается полуденная жара.

...За игрой ожидание пролетает незаметно.

* * *

С открытием смены у нас никогда не медлят. В первый же вечер мы торжественно отмечаем начало сезона концертом. Так будет и в этом году.

Организационные хлопоты иссякают быстро. К двенадцати часам прибывшие уже проходят медосмотр и разбредаются по домикам. После расселения остается как раз немного времени для того, чтобы собраться поотрядно, познакомиться друг с другом и обсудить номер для вечернего мероприятия.

– Круто! – только и восклицаю я, оглядев наш состав в этом году. У меня снова есть повод для счастья. Да еще какой!

Во-первых, я наконец-то попала в отряд к Ариадне! Во-вторых, обычно Александра Викторовна тасует детей, разбавляя завсегдатаев новенькими, но в этом году она, видимо, решила не разделять «своих», потому что в первый отряд попали все: и Федя, и Света, и Мила с Катей, и Маша, и Сережа с Денисом, и мы с Ирой. Ира тоже «наша», но живет в поселке, поэтому в городской компании до этого не появлялась и в моем повествовании раньше не упоминалась. В довершение чудес ко всеобщей радости в списки нашего отряда вошла «светлогорская троица»! Совсем новеньких только двое – это братья-погодки Максим и Миша Таскаевы. Правда, ребята быстро освоились и не смущаются обилием новых лиц. Я думаю, не последнюю роль в этом играет то, что они вместе: ощущая рядом надежное плечо брата, куда приятнее попасть в незнакомую компанию, чем в одиночку.

– Чем украсим концерт в этом году? – Ариадна оживлена, и смотреть на ее сияющее лицо – одно удовольствие.

Мне хочется, чтобы так и продолжалось всю смену, хотя работа вожатых – тот еще винегрет из радости совместного творчества, мелких казусов и утомительного труда. Вот бы им еще и отдыхать... Но сегодня среди питомцев Ариадны почти все – старые знакомцы, и смена будет стоить ей куда меньших усилий. Думаю, поэтому радость вожатой началу лагеря ничем не омрачена. Я вижу, что она полна боевого задора, готова творить, блистать и поражать.

На первом традиционном концерте все отряды представляют на суд зрителей небольшие миниатюры о том, кто как собирался в лагерь.

– Давайте сделаем что-нибудь необычное... – заговорщически предлагает Ариадна. – Как собирали родители, как тряслись в поезде, как тащились пешком через лес – это уже надоело! Но мы-то люди бывалые. Нам есть что вспомнить и с чем сравнить. Пусть наши ожидания и приготовления будут основаны на опыте прошлых сезонов.

Идея принимается с восторгом!

* * *

Вечером оказывается, что сцена, где предполагался концерт, уже занята атлетами под свое мероприятие. Что ж, может, оно и к лучшему! Наше представление пройдет на широкой творческой площадке волейбольного поля, а вместо жестких скамеек зрителей ждет мягкая июльская трава.

...Отряды выступают один за другим не по нумерации или старшинству, а по мере готовности и борзости. Мы на правах «старичков» снисходительно пропускаем «молодежь» вперед. Но вот и наша очередь.

– Итак, миниатюра первого отряда называется «Страхи и кошмары лагеря “Жемчужина”». В ней собраны все самые неудачные, можно даже сказать жуткие, воспоминания прошлых лет, – объявляет Ариадна и почти убегает с импровизированной сцены.

На ее место выходим мы.

Завязка сюжета: три девочки засыпают накануне отъезда в лагерь, и каждой из них воображение рисует их прошлые приезды, превращая мелкие трудности в нечто глобальное и пугающее.

Начинаются сны безобидно. Катя сновидит, как дети радостно идут через лес, на небе светит яркое солнце, уже вспоминаются лагерные песни, и замечательное настроение охватывает всех без исключения. Мила мечтает о том, как будет купаться в нашей маленькой горной речушке. Ире представляется картина, где повздорили мальчишки.

Однако радужные кадры быстро сменяются более мрачными. В Катин сон заползают тучи, дети разбегаются по лесу, и двое оставшихся бредут неизвестно куда. Они из последних сил карабкаются на пригорки, проваливаются в овраги и никак не могут добраться до лагеря. У Милы сон тоже изрядно портится. Гроза нашей смены Ольга Борисовна – директор по безопасности в лагере, чрезвычайно строгая и ничего не разрешающая женщина – жестоко выгоняет всех из речки, не позволяя купаться, хотя на термометре сорок градусов жары. У Иры сон принимает более предсказуемый оборот. Роберт, самый строгий вожатый, замечает ссору, плавно переросшую в драку, и тут же заставляет драчунов отжиматься в качестве наказания.

Все три сценки происходят параллельно в разных концах волейбольного поля и одновременно подходят к единому печальному концу – блуждающие дети из первого сна теряются в лесу и умирают, выгнанные из речки падают от жары и умирают, отжимающиеся не выдерживают нагрузки и тоже умирают.

...Наш сюжет заканчивается исполнением песни из фильма «Формула любви» – «Unpo momento» (в переводе: «короче, все умерли»). Смеются над представлением в основном старожилы, которые точно знают, что показанное – просто фантастика, хотя и с незначительной долей реализма.

У новеньких больше понимания вызывает сценка второго отряда, которая традиционно посвящена сборам в лагерь. Наташа, изображающая маму, проверяет сумки «дочерей» и выкидывает ненужные, по ее мнению, предметы, сопровождая действие комментариями:

– Зачем тебе зимний пуховик? На дворе лето! – обращается она к «старшей дочери».

– Затем, что когда-то давно, в незапамятные времена, когда ты была молодой, однажды летом ходил снег!..

Сумка второй «дочери» оказывается полностью набита игрушками.

– Солнышко, а гулять ты в шкурке от зайчика будешь? – Наташа очень правдоподобно изображает мать, которая старается быть спокойной, поправляя на носу позаимствованные у кого-то очки в потертой роговой оправе. Наконец она обращается к «старшей» из глупых «дочек», требует у нее заново собраться и собрать «сестру», после чего удаляется.

Девочки переглядываются, «старшая» поднимает игрушку и говорит:

– Давай оставим все, как есть! Ты грустно скажешь, что я тебя собрала, а я сообщу, что полностью пересмотрела свои взгляды на зиму и лето!..

...Все смеются, и только Ариадна после окончания концерта с искренним ужасом громко вопрошает актеров второго отряда:

– Нет, вы мне скажите! Неужели чьи-то родители запретили бедному ребенку взять с собой теплую куртку? Ведь у нас по ночам – как в Новый год на Северном полюсе! Либо одевайся потеплее, либо обкладывайся зайчиками! Девочки-то были не так уж неправы.

Глава 6

Трудовые будни

24 июля

Хрустальная погода, прозрачное бело-голубое небо без единого облака, ослепительное солнце, воздух, наполненный запахом сосновой хвои и свежестью реки, еще прохладный, не успевший нагреться... Кажется, в такой идеальной обстановке не может произойти ничего нехорошего, дикого или некрасивого. В спокойствии, обнимающем наш лагерь, тонко звенит натянутая струна восторга.

Одиннадцать часов. Уже не раннее, но все еще утро, так как солнце пока только поднимается, неспешно вскарабкиваясь на пик полудня.

Подъем был в восемь, как и всегда. Когда я проснулась сегодня, за пять минут до официального сигнала, остальные спали. Ни вздоха, ни храпа, ни скрипа кроватей... Едва слышное равномерное дыхание двадцати с лишним человек. И больше ничего – тишина. Моя кровать стоит под окном, и потому я прекрасно вижу, как огненно-желтое солнце выползает из-за холма и бросает на противоположную стену нашей комнаты яркие блики. Я лежала и смотрела на зарождающийся день и думала о том, каким он будет хорошим, тихим и спокойным.

Ровно в восемь радиорубка за стеной нашей комнаты разразилась оптимистичными звуками. Меня особенно впечатлили слова: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!»

Удачно или нет выбрал наш диджей песню для пробуждения, но она разорвала в клочки тишину, которая до этого мирной пеленой лежала над лагерем. Запели птицы – как я раньше их не слышала? Застучали двери, заскрипели деревянные полы под ногами. Застонали кровати, нехотя выпуская из своих недр сонных подростков. Александра Викторовна по обычаю заглянула к нам в корпус, чтобы пожелать всем доброго утра и пробудить тех, чей иммунитет к подъемным песням позволял продлить дремоту. И тут я поняла, что еще даже не вылезла из постели, но продолжаю мечтательно глядеть в потолок. Девочки сонно одевались, хмуро собирали косметички и, заранее ежась, шли умываться на холодную водокачку, а я все еще смотрела с улыбкой на солнце, заигрывающее со мной через окно.

– Настя! – живо вернула меня в реальность Александра Викторовна. – Потом со светилom поговоришь! Скоро все умывальники займут!

Я рассмеялась и мгновенно вылетела из кровати, нисколько не жалея ни оставленного тепла, ни окончательно прерванного сна...

Распорядок дня быстро подхватил меня после подъема и понес в водовороте привычных дел. Сбор у креста на молитву и переключку, зарядка, завтрак, линейка и уборка – все промелькнуло мгновенно. Я и глазом моргнуть не успела, а вот уже двенадцатый час. Дневной жар, набирающий силу, вытекает на центральную поляну лагеря, и теперь туда совершенно невозможно выйти без головного убора, если, конечно, не хочешь схлопотать солнечный удар.

Завтрак, правда, оставил одно странное ощущение неловкости, к которому, однако, в этом сезоне придется привыкнуть, – причина этого чувства будет повторяться ежедневно. Из столовой исчезли привычные объемистые фигуры немолодых разносчиц, которые обычно приносили за столы горячее и чай во время еды. Вместо них сейчас по обеденному залу летают юркие девушки почти нашего возраста, может, старше на год или два... «Видно, лагерное начальство решило дать возможность подработать школьницам или студенткам», – подумала я, с удивлением обнаружив это нововведение. Федька, которая всегда знает все, что касается лагеря, подтвердила мое предположение. Оказалось, что новые кухонные работницы учатся в

пищевом колледже. Их ректор договорился с дирекцией лагеря, и теперь они проходят здесь практику, за которую, впрочем, как и полагается, получают зарплату.

Поначалу я чувствовала неловкость оттого, что мы сидим за столом, а девочки нашего же возраста нам вроде как «прислуживают»... Но потом заметила, что самим юным поварихам эта ситуация не доставляет никакого неудобства. Похоже было, что они, наоборот, гордятся своей причастностью к миру взрослых – ведь они работают на настоящей работе, имеют настоящие трудовые книжки, а в конце сезона им выдают настоящие заработанные деньги. Вместо смущения в их отношении к нам сквозило даже некое покровительственное пренебрежение, как будто мы по сравнению с ними оставались несмышленными детьми...

И все-таки я передергиваю плечами, вспомнив завтрак, – встреча с этими девицами почему-то оставила неприятное впечатление. Может быть, на меня так повлияли их взгляды, когда мы шли обратно в корпус. Нас провожали, прищуриваясь и хихикая, и, мне кажется, ничего лестного о «не нюхавших жизни отдыхающих» не говорили.

Надеюсь, в течение смены кроме столовой мы с ними нигде пересекаться не будем.

Перед обедом начинаются занятия. Свой первый урок Ариадна решает провести у нас, у своего отряда. Моему удовольствию нет предела. О чем конкретно она будет рассказывать нам, если тема занятий – православный дом? Я мучилась этим вопросом всю дорогу до лагеря, и теперь мое любопытство наконец-то будет удовлетворено.

Мы сидим в беседке, и Ариадна оглядывает нас, потирая руки.

– Вы уже дети взрослые! – говорит она. – Цветущий возраст юности и любви, точнее влюбленности – но об этом позже! Рано или поздно у всех вас появится желание завести семью, кроме тех, конечно, кто выберет монастырь. Поэтому здесь я буду рассказывать вам об устройстве семьи и дома на Руси, еще до Петра. А то многие считают, что это было время «бесправных женщин и пьяных мужиков». И чтобы мужчины наши... – вожатая выдерживает небольшую паузу и выразительно смотрит на мальчиков, – не говорили своим будущим избранницам: «Ты – жена и должна слушаться», особенно если сами в это время диван продавливают!

Девочки дружно смеются, пацаны сконфужены и готовы защищаться.

– Но ведь муж всегда был главнее? – полувопросительно произносит Максим, старший из двух братьев, что приехали в этом году впервые и сразу угодили в «команду избранных».

– Да, муж – глава семьи... Но почему так сложилось и на что опирается это главенство? – спрашивает Ариадна, прохаживаясь вдоль стоящего под навесом теннисного стола.

В нашей маленькой зеленой беседке – не то что в классе – каждый нашел себе место по вкусу. Я удобно устроилась на перилах, словно русалка на ветвях дуба зеленого, и внимательно слушаю нашу вожатую, очень напоминающую ученого кота, хотя и без золотой цепи. Вся атмосфера летнего лагеря сродни доброй русской сказке. Она неповторима и ничто не может ее заменить.

– Глава семьи – это ведь не привилегия, – тем временем серьезно мурлычет Ариадна, – а большая ответственность. Женщина не слабее мужчины, в чем-то даже сильнее, но ей природой отпущена одна главная задача, которую никто за нее не решит, – она рождает ребенка. А главной задачей мужчины является защита семьи. При этом работают они оба, но разница все равно остается – обусловленная самой природой. Поэтому исторически так и сложилось: женщина создает семью, а мужчина ее оберегает. Тот, кто обеспечивает безопасность и покой домочадцев, имеет право называться главой семьи, а вовсе не тот, кто раздает приказы, лежа на печи.

Я слушаю Ариадну с удовольствием: такое объяснение устройства семьи созвучно мне и очень гладко ложится на имеющиеся у меня представления о «правильных» отношениях между мужчинами и женщинами.

Мальчики становятся серьезными. Задумываются и девочки. Модный феминизм, соблазняющий многих, пугливо отступает и растворяется от услышанного. Рядом с правильным семейным укладом все эти идеи выглядят пустышками. Такому главе семьи, каким описывает его сейчас Ариадна, и подчиниться не стыд, а радость. Да и не подчинение это, по сути, он ведь добровольно на себя ответственность взваливает, и обязанностей у него побольше, чем прав.

...Под конец вожатая с одухотворенным видом читает нам короткую притчу:

– *Молодая пара пришла в гости. Дело было под Рождество, на улице стоял крепкий мороз. Жена была закутана в объемную шубу. Снимая ее с себя в узкой прихожей, она случайно задела стеклянную вазу. Та упала и вдребезги разбилась. На шум тут же выбежали хозяева. «Что случилось?» – с тревогой спросили они. Муж улыбнулся чуть виновато и, перекинув через руку шубу жены, ответил: «Простите, мы вам вазу разбили!»* – Ариадна делает ударение именно на местоимении «мы» и торжествующим взглядом обводит все наше собрание. Закрывая книгу, она назидательно продолжает: – Вы слышите? «Мы»! Не «она» – жена, такая-расская, размахалась рукавами! Дескать, я ей подарок сделал, шубу дорогую купил, а она вазы чужие почему зря бьет! – Ариадна правдоподобно и смешно изображает «праведный» гнев мужа. – А «мы» – это мы: одно целое. Там, где начинается семья, нет места эгоизму, нетерпению, неуступчивости.

– А как же любовь? Разве она не проходит со временем? – тихо спрашивает кто-то из слушателей.

– Не проходит. По ошибке считается, что самый счастливый – первый год после свадьбы. А он, наоборот, самый сложный. Это ведь год притирок, неожиданных открытий, порой, что греха таить, далеко не самых приятных. Влюбленность слепа, и поэтому большинство разводов совершается на первом году брака. А вот дальше становится легче и счастливее. На смену пылкой влюбленности приходит разумная зрячая любовь, и она уже с возрастом никуда не девается.

«Зачем такие сложности? – думается мне. – Ведь нужно сразу начинать с любви! Уж я-то сделаю все правильно!»

Но задумчивость наших ребят мне нравится. Я смотрю на них и радуюсь, что кому-то повезет с женой или мужем. Уроки Ариадны не пропадут зря. Они никогда зря не пропадают – в этом я за несколько сезонов не раз убеждалась.

* * *

Спевка. «Как много в этом звуке для сердца моего слилось!»

На это традиционное мероприятие новенькие реагируют по-разному. Я на моем первом сезоне пришла в восторг, когда нас собрали в беседку и объявили, что сейчас мы будем петь. На вполне логичный вопрос, а что именно, последовал исчерпывающий ответ: «А вот сейчас и выучим!» И выучили же!..

По словам Феде, которая наблюдала развитие лагеря с самого начала, ее мама придумала включить спевки в программу не сразу, а где-то с третьего сезона. Получилось это спонтанно: на второй год в последний вечер у большого лагерного костра Елена Георгиевна, Роберт, Ариадна и другие вожатые принялись под гитару петь старые добрые песни вроде «Перевала», «Все отболит и мудрый говорит...», «На двоих с тобой одно лишь дыхание...» – в общем, все то, что так приятно распевать под треск горящих поленьев.

Собравшиеся вокруг дети слушали и смотрели на это действие заворуженно. Они хотели петь вместе с вожатыми, еще раз почувствовать единство лагерной семьи, но – вот досада! – не знали слов. Тогда, в 2004 году, интернета на телефонах ни у кого не было, поэтому подсмотреть тексты песен было негде. Да и сегодня связь с мировой паутиной на территории лагеря капризна: телефоны ловят только за туалетом и только с шести до шести тридцати вечера. Спутник, что ли, над этим местом на полчаса зависает? Зачем только? Система тоже имеет значение: чем новее гаджет, тем бесполезнее он в лесу. Поэтому мы берем с собой бабушкины кнопочные «кирпичи», где никаких экранов не предусмотрено, зато связь как у армейской рации!

Что было делать в такой ситуации? И Федькина мама приняла решение: если дети хотят петь, значит, будем учить песни наизусть – все вместе. Со следующего сезона спевки твердо вошли в программу. Отряды собирались в беседке и повторяли за вожатыми строчку за строчкой, куплет за куплетом. За одну спевку твердо выучивалась одна, а то и две песни.

За пять лагерных смен наш общий костровой репертуар сильно расширился. В него вошли: «Замыкая круг», «Кто тебя выдумал, звездная страна...», «Все могут короли», «А знаешь, все еще будет» и еще целый список хороших отечественных песен. Мы выучили даже несколько песен «Beatles», когда вместе с Ариадной приезжала вожатить ее подруга, учительница английского языка. Всего и не перечислить: «объем настоящего издания не позволяет»... Но стоит кому-то запеть знакомую мне песню или по радио вдруг зазвучат ее первые аккорды, я тут же начинаю подпевать, и слова сами вылезают из дальних уголков памяти...

...В беседке уже собрались почти все отряды, а Елена Георгиевна с гитарой в руках стоит посередине. Ариадна раздает распечатанные листы – по одному на четыре-пять человек. Я подсаживаюсь к Кате с Федей и заглядываю в листок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.